

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭСЕРОВ НА УРАЛЕ (1907 – ФЕВРАЛЬ 1917 г.)

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов анализируется активная деятельность эсеров в легальных организациях. Тем самым на примере уральских организаций партии социалистов-революционеров делается попытка пересмотреть прежние стереотипы о партии в целом.

За эсерами незаслуженно закрепилась слава революционеров, бомбистов, террористов. Да, действительно, накануне и в годы революции 1905-1907 гг. данная тактика была определяющей. Но в межреволюционный период политическая активность уральских социалистов-революционеров проявлялась не столько в сфере их традиционных методов борьбы (индивидуальный террор, стачки и забастовки, экспроприации и др.), сколько в стремлении использовать легальные методы овладения умами людей через профсоюзы, кооперативы, легальные газеты и журналы и др.

Социалисты-революционеры признавали огромную роль массовых организаций в подготовке революции. «Крестьянские и пролетарские трудовые ассоциации: рабочие синдикаты, кооперации, земледельческие общины (братства), артели и т. п.», по имени эсеров, должны были способствовать созданию «в порах буржуазного строя ячеек или эмбрионов нового общества» [1]. Поэтому всем членам партии социалистов-революционеров вменялось в обязанность «организовываться для борьбы не только в рядах партийных организаций, но и профессионально», а для этого «проникать» в легальные общества и использовать их в своих целях, «вступать в существующие уже кооперативы и вытеснять из них элементы, враждебные трудовому крестьянству и пролетариату» [2].

Четко в этом отношении выразился идеолог партии В.М. Чернов: «Мы полагаем, что все члены П.С.Р. должны по принципиальным мотивам, во что бы ни стало принадлежать профессиональному рабочему союзу той отрасли производства, в которой они работают» [3]. Эсеры на всем этапе буржуазно-демократической революции отстаивали лозунги «нейтральности» и «автономии» массовых организаций пролетариата. Так, в 1912 г. «Знамя труда» писала о том, что эсеры должны «отвергнуть раз и навсегда ферулу партийных подпольных групп над органами классовой самостоятельности пролетариата, признать социально-револю-

ционную ценность за этой самостоятельностью». Вслед за этим указывалось: «Но нельзя быть социалистом, быть революционером и не поддерживать со всей энергией существующих профессиональных организаций» [4].

По мнению В.М. Чернова, «организация рабочего класса должна быть многогранной – политической, профессиональной, кооперативной, что автономия, равноправие, координация действий должны быть регулируемыми началами для взаимоотношений этих различных граней, различных форм рабочего движения» [5]. На Лондонской конференции социалистов стран Антанты, которая состоялась в феврале 1915 г., «каждый из отдельных видов, – отмечал Чернов, – массовой организации – политической, синдикальной и кооперативной – были признаны необходимым условием социальной эмансипации рабочего класса. Для каждой из них полная эмансипация была признана необходимым условием здорового и всестороннего развития» [6].

«Беспартийность» и «нейтральность», по мнению эсеров, должна была состоять не в том, что члены различных политических партий не должны входить в эти организации. Наоборот, эсеры ставили задачу создавать в профсоюзах и кооперативах партийные «компактные ядра», сохраняющие «свое духовное единство и определенность». Но в своей деятельности эти партийные организации должны были подчиняться указаниям профсоюза: «В сфере чисто профессиональной члены партийных групп подчиняются директивам профессионального союза, в который они входят, и главной своей целью наряду с пропагандой партийной программы ставят сохранение единства профессионального движения и повседневную практическую работу в союзах» [7].

Другое дело, что на практике эсеры стремились поставить и профсоюзы, и кооперативы под свой партийный контроль. Они считали необходимым создавать внутри них свои партийные группы. Лозунг «автономии» эсеры

понимали таким образом, что и партийные, и профессиональные, и кооперативные организации по отношению друг к другу равноправны. «Социалисты-революционеры, – подчеркивал В.М. Чернов, – считают автономию политической партии рабочего класса и профессионального союза необходимым условием их жизненности. Таким же условием жизненности считают они координацию их действий устанавливаемую путем соглашений» [8].

Равноправие не означало, по мнению эсеров, что партия и профсоюзы должны провести между собой грань, по которой партия должна заниматься только политикой, а профсоюзы – экономикой. «У профессиональных союзов, – писал В.М. Чернов, – также мало изъять “политику”, оставив их при одной “экономике”, как мало можно у политической партии отнять право интересоваться “экономикой” [9]. Разница в действиях между партией и профсоюзами в том, что первая опирается на теорию, на программу, а вторая опирается на голую политику. «Партия воплощает конечную цель класса, профессиональные союзы воплощают конкретное движение класса и осознание из уроков жизни этой конечной цели» [10].

Профессиональная организация должна была, по мнению эсеров, прежде всего служить: а) для непосредственного улучшения положения рабочего класса путем взаимопомощи и непосредственной экономической борьбы (стачки, бойкот, лебель) против эксплуатации промышленным капиталом; б) для боевого сплочения вне партий и политических направлений самых широких масс, способных дружно выступать на защиту интересов всего рабочего класса во всех серьезных общественно-политических конфликтах; в) для образования внутри современного строя организованных трудовых ячеек [11]. Профессиональная организация должна была стремиться охватить всех рабочих, вне зависимости от их партийной принадлежности.

Эсеры на Урале проявляли большую активность в претворении в жизнь теоретических установок своих центральных органов. Социалисты-революционеры вели борьбу за овладение профсоюзами, кооперативами и другими легальными организациями трудящихся. Так, на одном из собраний эсеровской организации в Екатеринбурге в конце 1915 г. «было признано необходимым приступить к восстановлению связей» с профсоюзными организациями, боль-

ничными кассами и другими легальными учреждениями [12]. Екатеринбургские эсеры на первое место поставили профсоюзы.

Нередко на Урале, на одном и том же заводе, в одном и том же городе действовали большевистские и эсеровские профсоюзы. Так, например, на Мотовилихинском заводе организация социалистов-революционеров в составе 50 человек из числа рабочих образовала профсоюз с привлечением в него всех членов группы, стараясь при этом завербовать в него и других рабочих. Этот профсоюз ставил цель – материально поддерживать рабочих в различных случаях, а главное, в случае забастовки. Члены союза платили взносы, которые распределялись: на просветительские нужды, в помощь партийным товарищам и в забастовочный фонд [13].

К концу 1913 г. «руководящая роль» в Воткинском профсоюзе рабочих по металлу стала переходить в руки социалистов-революционеров. Секретарем союза стал эсер А.И. Лаптев, а членами – активные социалисты-революционеры П.И. Потанин, В.И. Чураков, С.А. Алексеев, М.Я. Казаков, А.К. Мальков и др. 16 марта 1914 г. состоялось общее собрание членов Воткинского профсоюза по металлу. На собрании присутствовали исключительно социалисты-революционеры, которые и избрали в правление своих единомышленников [14]. Численность профсоюза быстро росла. Если в 1913 г. было 30 человек, то в начале 1914 г. уже 150 [15].

В феврале 1915 г. в Екатеринбурге было решено учредить профессиональное «Общество торговых и торгово-промышленных служащих»: учредителями этого профсоюза были активные деятели эсеровской организации И.С. Кожихов и И.Н. Муксунов [16].

Этот эсеровский профсоюз отдельной брошюрой выпустил устав, в котором определялись функции общего собрания, правления, ревизионной комиссии, а также излагались цели и задачи общества. Общество ставило целью не только «согласование экономических интересов, улучшение условий труда членов общества, служащих торговых и торгово-промышленных предприятий г. Екатеринбурга», но и «содействие умственному и духовному развитию своих членов». Поэтому общее собрание выбирало библиотечную, лекционную и другие комиссии, которые должны были устраивать «библиотеки, читальни, экскурсии на выставки и музеи, профес-

сиональные лекции, чтения и курсы» [17]. Профсоюз быстро набирал силу, и уже в апреле 1915 г. в него входило 167 человек [18].

Екатеринбургское «Общество торговых и торгово-промышленных служащих» через эсера И.С. Кожихова имело тесные связи с Всероссийским Бюро труда, находящимся в Москве. И.С. Кожихов в качестве инструктора Бюро труда в начале 1916 г. ездил в Екатеринбург и Тюмень для анализа положения местных рабочих организаций и с целью избрания делегатов на съезд представителей рабочих организаций [19].

Начальник Пермского губернского жандармского управления в марте 1916 г. сообщал в департамент полиции о том, что «главный интерес местных партийных деятелей в данный момент сосредоточен на предстоящем 31 марта в городе Москве съезде представителей различных демократического характера рабочих организаций всей России, больничных касс, бюро труда, где таковые существуют, и профессиональных обществ, который устраивается Всероссийским Бюро труда при Всероссийском Земском и Городском союзе отдела по устройству беженцев в городе Москве на легальных основаниях». Главная цель этого съезда, по мнению охранки, – «сплотить рабочие организации в лице их представителей, дабы легче было использовать народные массы в революционных целях и кроме того произвести учет народным силам» [20].

В годы Первой мировой империалистической войны особенно быстрое развитие получили кооперативы. В России в 1916 г. насчитывалось 23,5 тыс. потребительских обществ, куда входило 6815 тыс. человек, это в четыре-пять раз больше, чем в 1915 г. В начале 1917 г. потребительская кооперация охватывала уже более 11,5 млн. человек [21]. Всего же кооперативных, потребительских, кредитных, сельскохозяйственных обществ к 1917 г. насчитывалось около 63 тыс., объединявших свыше 24 млн. человек [22].

Всплеск кооперативного дела был следствием исключительных условий военного времени и усиливающихся трудностей с продовольствием. «Год тому назад, – отмечала охранка в 1916 г., – когда стал ощущаться недостаток продуктов первой необходимости, начали в значительном количестве появляться кооперативные лавочки, и ныне их весьма значительное количество» [23].

Кооперативы стали способом борьбы с дороговизной, которая вызывала огромное недовольство населения. Дороговизна стала еще одним катализатором, наряду с военными поражениями на фронте, которая приближала свержение самодержавия.

Бурное развитие кооперативов наблюдалось и на Урале. В Оренбургской губернии с начала 1907 по 1911 г. возникло всего лишь пять потребительских обществ, между тем с 1911 по 1916 г. 62, т. е. в 12 раз больше. Общее число членов по 69 потребительским обществам Оренбургской губернии составило 8095 человек [24].

Всего количество потребительских и сельскохозяйственных обществ, кредитных и ссудосберегательных товариществ достигло в Оренбургской губернии в годы войны более 400 [25]. К концу 1915 г. в Вятской губернии насчитывалось 600 кооперативов (из них 450 кредитных товариществ), численностью до 12 тыс. человек [26]. В Пермской губернии общее число кооперативных обществ достигло 538 [27].

Такой бурный рост кооперативных организаций не прошел мимо внимания эсеров Урала, которые стремились использовать кооперативы, так же как и профсоюзы, для революционной работы в массах.

В Сосновской волости Сарапульского уезда Вятской губернии большим авторитетом среди крестьян пользовался социалист-революционер, учитель Е.А. Красильников. Весной 1914 г. он стал во главе Сосновского кредитного товарищества и Сосновского сельскохозяйственного общества и, «чувствуя себя совершенно независимым от администрации, повел еще более свободно социал-революционную пропаганду» [28].

Эсеры на Урале стремились овладеть не только сельскими кооперативами. На Мотовилихинском заводе действовал кооператив, в котором определяющую роль играли эсеры. В апреле 1914 г. на одном из собраний Мотовилихинского сельскохозяйственного общества председателем собрания был эсер Леонид Зайцев [29].

Члены руководящего комитета Златоустовской организации П.С.-Р. в годы войны являлись членами кооператива «Пчела», который непосредственно обслуживал рабочих Златоустовских заводов численностью до 17 тыс. человек. Эсеры использовали технический аппарат кооператива и денежные средства, «которые исключительно были направлены на народ-

ническую популярную литературу», распространяемую среди рабочих. Под прикрытием общества «Пчела» социалисты-революционеры устраивали чтения, беседы, собрания, на которых кроме разрешенных охранкой тем «велась пропаганда идей социализма» [30].

В августе 1915 г. на базе товарищества кооперативов Пермской губернии был образован Уральский союз потребительских обществ, в котором в члены правления были избраны эсеры И.Н. Муксунов и Ф.А. Блохин [31]. Уральский союз потребительских обществ к 1916 г. превратился в одно из крупнейших кооперативных объединений России, объединив 309 кооперативов численностью более 500 тыс. человек [32].

Видный эсер И.Н. Муксунов, являясь также инструктором этого союза, имел право разъезжать по городам и деревням Урала по кооперативным делам, и это давало ему прекрасную возможность для налаживания и поддержания партийных связей с другими эсеровскими организациями.

Говоря о страховой кампании, нужно отметить, что эсеры, в том числе эсеры на Урале, неоднозначно отнеслись к больничным кассам. Если эсеры Екатеринбурга говорили о необходимости налаживания связей с больничными кассами, то бойкотировали выборы в больничные кассы эсеры в Лысьве [33]. Такая ситуация была следствием того, что на этапе выборов в больничные кассы эсеры отрицательно к ним отнеслись. Но затем, когда больничные кассы начали действовать, эсеры увидели в них хорошее легальное прикрытия для революционной деятельности и в ряде мест начали проталкивать туда своих людей.

В изученных архивных документах мало сведений об участии эсеров в больничных кассах. Но все же отдельные случаи были. К примеру, в 1916 г. эсер М.С. Хромушкин работал в больничной кассе в Уфе [34]. Социалисты-революционеры использовали любую легальную возможность для своей революционной деятельности. Так, например, эсер Н.И. Кондорский был членом Сарапульского общества трезвости, в котором он проявлял «свою преступную деятельность» [35].

Эсеры также большое внимание уделяли сбору денег и распространению легальных газетных изданий. По подсчетам В.И. Ленина, за 4,5 месяца 1914 г. по сравнению с 1913 г. сумма взносов на газеты у большевиков увеличилась на 0,4%, у эсеров с 8,5% до 12,8%, т. е. на 4,3%

[36]. Это был большой процент, показывающий усиливающийся интерес трудящихся к эсеровской прессе. Из сводки цифровых данных о денежных сборах для поддержки легальной левонароднической (с.-р.) печати в России за апрель-май 1914 г., составленной Н.К. Крупской, видно, что с 29 марта по 9 мая на нужды печати собрано было эсерами 3122 руб. 49 коп. При этом большая часть денег поступила от рабочих групп [37].

Перед войной уральские эсеры занимались сбором денег, выпиской и распространением выходящей в Петербурге газеты «Трудовой голос». К примеру, этим занимались эсеры на Мотовилихинском заводе [38]. Летом 1914 г. эсер Ф.И. Соколов на Воткинском заводе собирал деньги для выписки из Петербурга газеты «Живая мысль труда» [39]. Златоустовские социалисты-революционеры пытались наладить получение центрального органа ПСР «Знамя труда». В мае-июне 1913 г. охранка в Златоусте дважды перехватывала №50 этой газеты. Оба раза она высылалась на имя Н. Костерина [40]. В годы империалистической войны сбор денег и выписка легальной литературы были крайне затруднены. Поэтому деятельность эсеров в этом направлении на Урале в годы войны по документам не прослеживается.

Эсеры отправляли не только деньги в поддержку своих легальных органов, но и посылали корреспонденции с описанием существующих порядков на местах. К примеру, в 1913 г. охранка перехватила письмо эсера А.Н. Чумищева в «Трудовой голос». В письме говорилось о том, как воспитывают «учителей для народа» на Пермских педагогических курсах. Один из преподавателей «показывает будущим учителям, что заниматься с детьми народа нужно как с рабами и невольниками». Письмо заканчивалось призывом «так жить нельзя» [41].

На Урале эсеры активно сотрудничали в местных газетных изданиях. Так, эсер Н.И. Кондорский состоял корреспондентом издававшейся в Вятке газеты «Вятская речь» и писал под псевдонимом «Запятая» и «Никита Запятая». В статьях от 5 марта 1913 г. «Письма из Сибири. Опекан над казачеством» за подписью «Запятая» и от 19 марта «Письма из Сибири. Казачье житье» за подписью «Никита Запятая» Кондорский описывал трудную жизнь казаков. Он отмечал, что «тьма, невежество и пьянство властно царят над дремотной жизнью станицы» [42].

В Сарапуле видный социалист-революционер Ф.В. Астраханцев принимал деятельное участие в издании Сарапульской газеты «Кама». За его статью «300-летие Дома Романовых» редактор был оштрафован на 500 рублей [43].

Негласным редактором газеты «Кама» являлся проживающий в Сарапуле социалист-революционер, присяжный поверенный Московской судебной палаты А.В. Ксенократов [44].

В Шадринске в годы войны газета «Исеть» «приняла чисто революционное направление». Секретарь газеты Н.В. Здобнов стоял на народных позициях. Газету выписывали более 2 тыс. человек, большинство из которых были крестьяне, среди которых газета вела «усиленную пропаганду революционных идей» [45]. В Екатеринбурге сотрудником газеты «Уральская жизнь» был эсер С.К. Тарабукин, входящий в руководящий коллектив Екатеринбургской организации эсеров [46].

С. Тарабукин активно сотрудничал также в газетах «Зауральский край» и «Исеть», в которых печатался под псевдонимом С. Тарин. Необходимо отметить, что его статьи по экономическим или политическим вопросам отличались большим профессионализмом и в них он критиковал существующие полицейские порядки, пропагандировал эсеровское учение. К примеру, в статье «Зубатовщина (Из истории полицейского «социализма» в России)» он назвал зубатовщину одним из «уродливых явлений нашего полицейского строя», направленным на то, чтобы «опутать рабочее движение сетью полицейских мероприятий и через это обезвредить его» [47].

В статье «Где трудно дышится», подводя итоги закона «о насильственном разрушении общины», опираясь на данные печати и официальные отчеты крестьянского банка, С. Тарабукин пришел к выводу, что правительственная политика землеустройства серьезного удара общине не наносит и та передвижка, которая теперь происхо-

дит в области земельных отношений деревни, является даже желательной, потому что «сходят на хутора «индивидуальные хищники». В общине же, по его мнению, остаются «здоровые и сильные элементы крестьянства, которые в будущем создадут настоящее мужицкое царство, сильное духом и мощное экономически» [48]. С. Тарин в этой статье встал на защиту одного из основных положений эсеровской программы – о крестьянской общине как зародыше социализма.

Таким образом, эсеры на Урале, руководствуясь решениями своих центральных органов партии и местных организаций, на этапе буржуазно-демократической революции вели активную деятельность в легальных организациях трудящихся. Они использовали любую легальную возможность для налаживания и укрепления связи с массами и под прикрытием легальных учреждений проводили собрания, читали лекции, распространяли легальную и нелегальную литературу, т. е. вели широкомасштабную пропагандистскую, агитационную и организаторскую работу. Особенно деятельность эсеров в легальных организациях усилилась в годы Первой мировой империалистической войны, когда нелегальная работа в массах была крайне затруднена условиями военного времени.

Уральские социалисты-революционеры активно использовали всплеск кооперативного движения, наступивший в годы войны из-за усиливающихся трудностей с продовольствием. Сильным было влияние этой партии в кооперативах Оренбурга, Уфы, Екатеринбурга, на Лысьвенском, Ижевском и Верхне-Туринском заводах, а также на Мотовилихинском и Златоустовском заводах, в Сосновке и др.

Разносторонняя политическая работа в массах не прошла даром. Ее следствием стало то, что в большинстве Советов рабочих и солдатских депутатов на Урале, образовавшихся в феврале-марте 1917 г., преобладали эсеры вместе с меньшевиками.

Список использованной литературы:

1. Памятная книжка социалиста-революционера. Вып. 1. – Париж, 1911. – С. 39.
2. Там же. – С. 20,37, 43.
3. Чернов В.М. Основные вопросы пролетарского движения. – Пг., 1918. - С. 55.
4. Знамя труда. 1912. № 45; ЦДНИСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 49. Л. 33 об.-34.
5. Чернов В.М. Основные вопросы пролетарского движения. – Пг., 1918. Вып. 2. С. 235.
6. Там же. – С. 238.
7. Памятная книжка социалиста-революционера. – С. 21.
8. Чернов В.М. Собрание сочинений. Основные вопросы пролетарского движения. - Пг., 1918. - С. 52 .
9. Там же.
10. Там же. – С. 53.
11. Памятная книжка социалиста-революционера. – С. 31.
12. ГАРФ.Ф. ДП,00. 1915. Д. 167. Ч. 56. Л. 4 об.
13. ГАРФ. Ф.ДП,00. 1914. Д.9. Ч.56. Л.Б. Л.6 об, 21.

14. ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1494. Л.16-16об.-17.
15. ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1410, л.5.
16. ГАПО. Ф.162. Оп.3. Д.53. Л.9,10, 10 об., 12.
17. ГАПО. Ф.162. Оп.3. Д.53. Л.13; Уральская жизнь. 1915. – № 221.
18. Уральская жизнь. 1915. – № 95.
19. ГАРФ. Ф.ДП,00. 1916. Д.17. Ч.56. Л.Б. Л.1 об.
20. Там же. Л.1-1 об.
21. Морозов Л.Ф. От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. – М., 1969. – С. 69.
22. Кабанов В.В. Октябрьская революция и кооперация. 1917 – март 1919 г. – М., 1973. – С. 59.
23. ГАРФ. Ф.ДП,00 1916. Д.16. Ч.57. Л.2.
24. ЦДНИОО. Ф.7924. Оп.1. Д.85. Л.6.
25. Оренбургское слово. 1916.№246; ЦДНИОО. Ф.6002. Оп.1. Д.18, Л.41.
26. ГАРФ. Ф.ДП,00. 1915. Д.167. Ч.17. Л.3.
27. ГАРФ. Ф.ДП,00. 1915. Д.167. Ч.56. Л.2 об.
28. ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1503. Л.10.
29. ГАРФ. Ф.ДП,00. 1914. Д.9. Л.56. Л.Б. Л.21.
30. ЦДНИЧО. Ф.596. Оп.1. Д.178. Л.2, 5.
31. Уральская жизнь. 1915. – № 184.
32. Уральская жизнь. 1916. – № 232, 237
33. Рычкова Г.П. Лысьва. Пермь, 1963. – С. 76.
34. ЦГИА РБ. Ф.187. Оп.1. Д.589. Л.292.
35. ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1356. Л.7.
36. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т.25. -С.252.
37. РГАСПИ. Ф.17. Оп.1. Д.1430, л.1.
38. ГАРФ. Ф.ДП,00. 1913, Д.9. Ч.56. Л.Б. Л.18-19, 41.
39. ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1457б. Л.49-49 об.-50.
40. ГАРФ. Ф.ДП,00. 1913, Д.9. Ч.86. Л.А. Л.5-6.
41. ГАРФ. Ф.ДП,00. 1913. Д.9. Ч.56. Л.Б. Л.30-32.
42. Вятская речь.1913.-№62 .
43. ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1356. Л.9.
44. ГАРФ. Ф.ДП,00. 1914. Д.9. Ч.17. Л.Б. Л.5, 7.
45. ГАРФ. Ф.ДП,00. 1915. Д.167. ч.56. Л.3 об.
46. ГАРФ. Ф.ДП,00. 1915. Д.9. Ч.56. Л.Б. Л.7, 14.
47. Зауральский край. 1913. – № 47.
48. Исеть, 1914. – № 6.